

Адель Хайд

История Ирэн
Книга 2
Гнев

RUGRAM

Любые совпадения по тексту романа с реально существовавшими историческими персонами случайны. Это авторская версия альтернативной реальности.

Глава 1

Утро было прекрасное, в окно ярко светило солнце. Ирина потянулась и вспомнила, что вчера пришло приглашение от императора. Там ещё было упоминание о мануфактурной выставке, где будет производиться отбор для всемирной выставки в ноябре в Бротте. К письму императора прилагалось сообщение от директора Департамента Торговли и мануфактур, некоего князя Тенишева. В нём говорилось, что для обладателей «привилегий» будет выделено место, они должны заполнить заявку и написать, что именно собираются представлять на выставке, и приложена форма заявки.

Письмо ещё содержало следующие строки:

«Лопатин Леонид Александрович и Лопатина Ирэн Леонидовна за вклад в развитие технологической «головы» империи будут представлены к высочайшим наградам».

«Надо бы обсудить с отцом», — подумала Ирина, даже не замечая, что уже не добавляет про себя с «отцом Ирэн», как делала это раньше.

Про награды услышать было удивительно и приятно. Название Стоглавая напомнило Ирэн «златоглавое» и неожиданным образом понравилось.

Совершила привычный утренний обход, только уже в компании двух охранников, выделенных Никодимом. Они теперь сопровождали Ирину внутри поместья, а если ей приходилось выезжать, то охраны становилось втрое больше.

На завтрак спустилась и Анна. Нога её заживала довольно быстро, и девушка уже почти не опиралась на костыль, но пока держала его при себе.

Начали обсуждать письмо императора. Анна тут же задала кучу вопросов, и Ирина поняла, что ей необходима консультация не только от отца, но и от Анны, а может, даже от кого-то более опытного в женских делах в отношении подготовки к столичным сезонам.

Обсудили с отцом, что необходимо взять, и где размещаться в столице. Анна сразу отметила, что на время сезонов вариан-

тов жилья в столице крайне мало и пригласила Ирэн с отцом остановиться у них в имении.

«Хорошая всё-таки девочка», — подумала Ирина и как можно мягче спросила:

— Анна, тогда надо спросить твоего отца, не будет ли он против?

Девушка Строганова сначала вскинулась, будто собираясь опротестовать этот вопрос, ставящий под сомнение её возможность что-то решать самой. Но потом потупилась, понимая, что действительно, возможно, поспешила. Она же так и не призналась Ирине, зачем приехала в Никольский уезд, и насколько «случайной» была их встреча.

На самом деле Анна нашла в Ирине настолько родственную душу, что периодически забывала, кто такая Ирэн, и почему она вынуждена жить здесь, в Никольском уезде, в поместье отца. И вот сейчас осознание пришло, ведь отец может и не согласиться принять у себя бывшую супругу Виленского.

— Тогда вам надо снять дом или поговорить с кем-то, у кого есть дом в столице, — не сдавалась юная баронесса Строганова.

Решили, что отец уточнит у наместника Никольского уезда, у которого был небольшой особняк в столице. Возможно, он согласится его сдать на пару месяцев. Да-да, майские сезоны длились до конца июня.

После завтрака пошли в кабинет, который Ирина делила с Леонидом Александровичем. Стали обсуждать, что повезут. По всему выходило, что везти надо всё: и спички, и серебро, и мыло, и булатные клинки.

— А крими? — раздалось возмущённое от Анны, которая «хвостиком» ходила за Ириной. — Крими будут крайне востребованы в столице.

Анне уже посчастливилось опробовать на себе некоторые опытные образцы, хотя Ирина и не хотела этого делать на родовой гостье. Но Строганова вцепилась в баночки и не отдала.

— Надо плуг везти, если всё пройдёт успешно. Хотя Иван Иванович уже опробовал его на влажной земле и сказал, что к посевному сезону будет только лучше, — произнесла Ирина

озадаченным тоном, потому что представила, как они поедут в столицу таким караваном, гружёным всяким добром, и с ними и Тимофей, и Павел, и Феррати...

Решила пока не озадачиваться и сосредоточиться на текущих проблемах. А дел было очень много. В Никольском полным ходом шёл ремонт старой мыльни, и Ирина планировала его завершить через две недели. Чтобы это сделать, нужны были ещё средства, но имевшиеся Ирина отложила на храм, поэтому решила, что ей нужен ещё партнёр на мыло, который, как и Голдеев, принесёт с собой капитал.

Но Голдеева на половину партнёрства Ирина брать не хотела. Он, конечно, мужик деловой, но уж очень неоднозначный — как акула: пока сытый, не опасен, но если что, то может и сожрать. Можно было взять Голдеева и ещё кого-либо, чтобы уравновесить и привлечь больше капитала.

Весь день Ирина делала расчёты, потом играла с Танюшей и братьями. Если бы кто-то из мира Ирины увидел их игру, то сразу бы определил, что это бродилка. Дмитрий — тот, у кого волосы были тёмные, имел отличную способность к рисованию, вот Ирина и дала задание братьям нарисовать карту Стоглавой империи. А потом они все вместе расставили ходы: через леса, через горы, моря, болота.

Карта была нарисована на тонкой фанере и по размеру оказалась довольно большой, поэтому хранилась «стоя», а играть все предпочитали на полу. В этом мире уже были так называемые игральные «кости», поэтому с определением количества шагов вопросов не возникло.

Тимофей для каждого сделалменные фишки. У Вани с Димкой это были рыцари: белый и чёрный, по цвету макушек, у Танюши, которая играла пока вместе с мамой или Глашей — зайчик, а у Ирины — лебедь. Были ещё запасные фишки на случай, если вдруг Леонид Александрович решит присоединиться. Но такое случалось нечасто, поэтому группа играющих обычно состояла из братьев, Ирины и Танюши с Глашей.

Кстати, карту рисовали под руководством нового гувернёра, поэтому географически всё было выверено.

Сегодня к ним присоединилась Анна, которая продолжала восхищаться умом и фантазией Ирины, и всё больше

убеждалась, что барон просто не может отказаться от такой женщины. Да и ей самой барон Виленский уже не казался тем единственным вариантом, который она себе придумала под воздействием причитаний маменьки и тёток. И когда появлялись такие мысли, память подбрасывала образ доктора Путеева, больше похожего на какого-то рыцаря, чем на медикуса. Высокий, с орлиным профилем, чувственными полными губами, широкими плечами и нежными руками. На этом моменте своих размышлений Анна, даже будучи наедине с собой, всегда заливалась краской.

За окном уже начало темнеть, в дверь постучался слуга, приглашая заигравшихся на ужин. Пока ждали мальчишек, которые убежали мыть руки, Ирина обратила внимание на грусть на лице Анны.

— Аннушка, а что ты грустная, задумчивая?

Строганова замялась и, выдохнув, сказала:

— Что-то Николай Ворсович сегодня не приехал. Вот, думаю, не обидела ли я его вчера.

«Да уж», — подумала про себя Ирина, которая не знала, радоваться или огорчаться, что у Путеева и Строгановой возникли чувства друг к другу. Скорее всего, родня Анны такой мезальянс не одобрит. И не навредит ли это Ирине и её семье?

А вслух сказала:

— Николай Ворсович глава уездной больницы, дел у него очень много. Возможно, срочный пациент. Я завтра еду в Никольский по делам, могу заехать в больницу, узнать.

Анна вцепилась в руку Ирины:

— Ирэн, прошу, возьмите меня с собой! Я уже хорошо, хорошо себя чувствую, вы же обещали!

Ирина вспомнила, что она и вправду обещала взять Анну с собой, познакомить с Софьей Штромбель, да и хромота Анна уже не так сильно. Тем более, что Леонид Александрович тоже едет, поэтому, в случае чего, поможет, поддержит. Пришлось согласиться.

На лице у Строгановой расцвела довольная улыбка, а Ирина подумала:

«Как же, в сущности, мало человеку надо для счастья...»

Москов. Кремль. Утро того же дня

Этим же утром барон Виленский обнаружил себя в гостевых покоях императорского дворца в Кремле. На небольшом диванчике рядом прикорнула Елена Михайловна. Возле кровати, на стульчике, сидела женщина в белом халате и платке.

Как ни пытался Виленский, он ничего не мог вспомнить. Воспоминания обрывались на моменте, когда он получил записку от императора, одновременно испугался и обрадовался. Испугался, потому что было написано рукой Александра и только одно слово – «срочно». А обрадовался, потому что появилась возможность сбежать от надоедливой леди Бейкер.

Виленскому очень хотелось пить, но слабость была неимоверная, и ему пришлось разбудить сиделку. Вместе с сиделкой проснулась и сестра.

– Сережа, прости меня, прости, я не хотела, – запричитала Елена Михайловна, не дождавшись, пока он допьёт воду, поднесённую сиделкой.

– Лена, сядь, не кричи, – от причитаний сестры у Виленского заболела голова, и он поморщился.

Сиделка тут же отреагировала и со словами «Сейчас доктор позову» выскользнула из покоев.

Но старшая Виленская не собиралась садиться, напротив, она рухнула на колени и с покаянным видом поползла к кровати, на которой лежал барон.

– Прости меня, Серёжа, это же я змею в дом привела, а... – дальше продолжить она не смогла, потому что баронессу начали душить рыдания.

Но Виленский перебил сестру:

– Лена, успокойся! Сядь и всё мне расскажи, я ничего не помню.

Но рассказать Елена Михайловна ничего не успела. Пришёл доктор и стал осматривать и обстукивать пациента, при этом приговаривая:

– Да вы, Сергей Михайлович, в рубашке родились. Можно сказать, второй день рождения у вас сегодня. Ведь если бы вы во дворец сразу не приехали, то всё, хоронили бы вас на третий день.

Со стороны уже почти успокоившейся Елены Михайловны снова раздались рыдания.

Дверь распахнулась, и в комнату вбежал император:

— Серж, как же ты нас напугал!

Император остановил попытавшегося подняться Виленского и обнял его. Затем попросил всех, включая сестру барона, покинуть покои, и когда все наконец вышли, присел на кровать и стал рассказывать.

Оказалось, что леди Бейкер — броттская шпионка, и она подсыпала Виленскому какой-то яд. Какие цели преследовала женщина, было неясно, но к ней сейчас поехали, должны арестовать и допросить.

— А сестра твоя дура, — вдруг зло произнёс Александр Третий. — Женить тебя решила.

Виленский привстал, собираясь что-то сказать, но император не дал ему ответить, продолжив:

— Лежи, выздоравливай, а про женитьбу твою ещё поговорим. Сейчас главное — ты жив, набирайся сил. И доктору спасибо скажи, всю ночь тебя поил лекарством.

К дому Ставровского подъехала карета тайной службы, из неё вышло четыре человека в тёмных камзолах, они прошли в дом. Князя Ставровского не было, он рано уезжал на службу. Вышла его супруга, её попросили проводить мужчин в комнаты леди Бейкер.

Понимая, что людям из тайной канцелярии не отказывают, супруга Ставровского приказала дворецкому проводить их к комнатам, которые занимала «дальняя родственница» князя. Сама пошла следом.

Когда агенты вошли в комнаты, то обнаружили, что там никого нет. Вещи были раскиданы в беспорядке, как будто собирались в спешке.

Леди Бейкер исчезла...

Глава 2

С утра, сразу после завтрака, Ирина, Леонид Александрович и Анна Строганова, сменившая деревянный костыль на изящную чёрную трость, поехали в уездный город.

Ирина решила по пути заехать к помещице Красновой, чьё поместье располагалось в стороне от дороги на город, но крюк был небольшой.

Лидия Артамоновна была дома, и хотя гостей не ждала, с радостью приняла Лопатиных вместе с их молодой гостьей. Анна представилась, и у Красновой немного «вылезли» глаза, когда та поняла, кого с собой привезла Ирэн.

Но Ирина покачала головой, давая понять, что не надо поднимать эту тему. Ей нравилась Анна, и хотелось, чтобы девушка сама открылась. Конечно, можно было не останавливать Краснову, и та с присущей ей прямолинейностью «раскрыла» бы всем, что Строганова невеста Виленского. Но как бы тогда чувствовала себя Анна, да и отец, наверное, расстроился бы.

У Красновой пили кофе, здесь его называли «кофей», Ирина это помнила ещё с прошлого раза и не отказалась, когда та предложила. Обычно женщины предпочитали кофей со сливочками, но Ирина ещё в прошлой жизни всегда пила чёрный и без сахара. Ей казалось, что сахар и молоко «убивают» вкус кофе. Ещё Ирине очень нравился итальянский вариант эспрессо, который наливали по напёрстку. Он был очень крепким, но вкус невероятный. Жаль, много его пить нельзя, уже после двух порций сердце принималось стучать в два раза быстрее.

Зная, что Краснова не любительница этикетов и долгих «реверансов», Ирина сразу приступила к разговору. Но не успела произнести предложение, только начала говорить про фабрику, как Лидия Артамоновна её перебила и сообщила, что она «согласная».

Глядя на удивлённые лица Ирэн, её отца и даже Анны, помещица развела руками и сказала:

— А что? Я так понимаю, ты, Ирэн, за партнёрством у меня спрашивать приехала? И чего тянуть, ежели я согласная и ждала, когда предложишь! Капиталы есть, а в твои задумки вкладывать выгодно. Я в тебя верю!

Ирине нравилось, как иногда Лидия Артамоновна переходила на какой-то одной ей известный говорок, начиная немного коверкать фразы и слова, но звучало это, особенно с её громким низким голосом, интересно.

Дальше разговор пошёл про доли и оформление. Ирина сразу сказала, что ещё хочет привлечь Голдеева. Но Краснова её отговорила, посмотрев на цифры и деловито сообщив, что им хватит средств даже без привлечения капитала Голдеева.

— Привлеку его торговый дом. В производстве сами будем, а торговлей пусть Голдеев занимается. Негоциант он талантливый, — подвела итог их разговора Краснова.

Ирина заметила, что Краснова нет-нет, да и поправит причёску. И сначала не поняла, что это происходит с Лидией Артамоновной, а потом посмотрела на отца. Тот сидел и смотрел на помещицу, но каждый раз, когда они сталкивались взглядами, отводил глаза в сторону.

«Ух, ты, — подумала Ирина, — есть ещё «порох в пороховницах» и у неё, и у него. Ну что же, я буду только рада, если что-то сложится».

Из поместья Красновой поехали в город. Завезли Леонида Александровича в дом к наместнику, а сами отправились в уездную больницу. Ирина снова пошла через «чёрное крыло», которое теперь чёрным называли скорее по привычке.

Строганова удивилась, когда Ирина сказала, что это крыло для бесплатного приёма. Входная зона была расширена, приём вели сразу несколько докторов. Почти все они были знакомы Ирине. Очереди не наблюдалось. В помещении горели масляные светильники, окна были застеклены, а не забиты, как раньше.

— Ирэн Леонидовна! — услышала Ирина знакомый голос. Это снова кричал Назар — тот самый студент-говорун, с которым она познакомилась в больнице в свой первый приезд.

Парень подскочил и, стреляя глазами в барышню Строганову, начал расспрашивать об инструментах. Ирина как-то упомянула про скальпель, и вот теперь Назар, которого всё больше увлекала хирургия, напомнил ей об этом.

Она достала из сумочки специальный блокнот, который сама же себе и сделала, и записала, чтобы не забыть. Конечно,